

Приложение к журналу «Родина»

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

2003`2

ВЕСТНИК
АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего»*

Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки

№ 17

К. П. Кауфман — Д. А. Милютину
Ташкент. 27 сентября 1871 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

На обратном пути из Кульджи встретил меня г[енерал]-м[айор] Гомзин и передал мне между прочим письмо Вашего высокопревосходительства от 4 августа, писанное на бивуаке после утомительного дня маневров. Весьма благодарен за письмо Ваше, обрадовавшее меня известием о том, что государь император изволил милостиво принять мои объяснения по поводу несправедливого нападения на меня министра финансов и признать мои объяснения вполне удовлетворительными, Слава Богу! Я получил разрешение о признании действительным расходом открытый мною генералу Колпаковскому кредит в размере 65 т[ысяч] рублей на войну в Кульджу. Разрешение это я получил уже после того, как мною сделано было распоряжение о пополнении этого кредита из контрибуции взысканной с таранчей и киргиз, бывших единственными виновниками войны. Расход на заготовление сухарей на случай войны со стороны ташкентской, возбудивший такую тревогу в Министерстве финансов, есть расход совершенно необходимый, который то же рано или поздно вознаградится; а польза его очевидна.

Приезд генералов Эрнрота и Бранта, для осмотра по высочайшему повелению вверенных мне войск, весьма меня обрадовал. Это принесет большую пользу войскам и освежит во всех нас знание и в то же время даст его величеству более верное сведение о состоянии войск. Стрелковые здесь батальоны найдены в оч[ень] хорошем состоянии; но я генерала Эрнрота не видел, так как он был в Ташкенте во время моего отсутствия. Генерала же Бранта я встретил в Верном и предложил ему поездку в Кульджу, где он имел возможность видеть большую часть Семиреченских войск. Я думаю, что войска вверенного мне округа произвели на обоих генералов вообще хорошее впечатление, Есть некоторые недостатки, которые должны быть исправлены. Слабее других пока оказались уездные команды — некоторые, по недавности их формирования, там где начальники команд сами слабы там и команды плохи. Это происходит от того, что не для всех команд нашлись способные и дельные командиры, а направить их на путь истины еще не успели. Некоторые команды я видел в первый раз теперь. Из батальонов слабее других оказались 4ый линейный и 6ой; надеюсь подтянутся; лучше других и в отличном состоянии кроме стрелковых еще 2ой, 7ой, 3ий, 5ый и в особенности 9ый линейный. Такими они были и на смотре; надеюсь, что и 8ой бат[альон] представится хорошо. Батареи наши одна лучше другой.

Вскоре после выезда моего из Ташкента в Кульджу, здесь сформировалась шайка, под предводительством одного ишана**, фанатика, выходца из Кокан[д]а, который со своими учениками и другими проходившими напал на почтовую станцию ночью и убил там казачьего офицера и двух казаков, ночевавших проездом. Я имел утешение в этом случае, что жители уезда и города Ташкента употребили все меры, чтобы поймать разбойников. Почти все переловлены, кроме начальника шайки, который с 3^{мя} или 4^{мя} людьми успел бежать от преследования в кокандские владения и там его теперь ищут; я не теряю надежды поймать и его.

Поездка моя в Кульджу была не бесплодна; я составляю подробное донесение о том, как полагаю поступить с этой страной. Нет другого способа, по мнению моему, как ожидать

* Окончание. Начало см.: Источник. 2003 № 1.

** Глава и наставник мусульманской общины, обычно принадлежащей к одному из мистических орденов.

китайцев и ведать ею до их прихода. Капитан Шепелев поехал туда и получит полную возможность составить себе верное понятие о положении этой страны. Любопытен я знать придет ли он к тому же выводу. Если бы определилось с точностью, что китайцы не могут прийти в Кульджу в скором времени, тогда надо подумать кому дать ее в управление, чтоб не занимать ее нашими войсками. К тому времени мы более ознакомимся с отношениями населения между собою, с личностями и тогда можно вернее сделать выбор; теперь же, пока мы не знаем еще, что предстоит впереди, как проникнем мы в Урумчи — со штыком или с ситцами, не возможно отдать верховья Или в руки таранчей*.

Отчет мой за 1870 год по военному округу замедлился этой поездкою и я прошу великодушно простить меня. Впрочем он переписывается уже и на днях будет готов.

У меня есть покорнейшая еще просьба к Вашему высокопревосходительству. Во время поездки моей в Кульджу, я убедился в отличной службе Семиреченского казачьего войска и мне было бы желательно носить мундир этого войска, что, как мне известно, было бы принято войском как мое внимание к нему за его службу. Все станицы ополчились, льготные казаки все были на службе и готовы к бою на случай тревоги. Если государю императору благоугодно будет разрешить мне носить Семиреченского казачьего войска мундир, то я бы надел его с особенным удовольствием.

Министр финансов до сих пор не отменил еще своего распоряжения о том, чтобы Казенная палата не удовлетворяла никаким настояниям моим об отпуске мне денег или кредита в случае крайности на ведение войны. Высочайшее повеление по сему предмету, которое Вы мне сообщили, я в свою очередь сообщил управляющему палатою³⁷, но это еще не изменяет положения дела, ибо управляющий палатою будет буквально держаться того предписания министра, в котором он указывает на статью закона, воспрещающую верить именным высочайшим повелениям.

Генерал Брант принес большую пользу войскам вверенного мне округа своими смотрами; он подучил их многому; я имел заявления об этом от начальников частей, которые с большим вниманием пользовались его замечаниями.

Позвольте просить Вас принять мои уверения в искреннем уважении и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. фон Кауфман 1.

* Оседлое население Илийского края.

НИОР РГБ. Ф. 169. К. 65. Д. 25. Л. 8–11 об.

№ 18

К. П. Кауфман — Ф. В. Чижову³⁸
Ташкент. 3 октября 1871 г.

Милостивый государь Федор Васильевич!

Еще прежде получения почтеннейшего письма Вашего от 10 августа, при первом известии о том, что Вы, милостивый государь, становитесь во главе Московско-Ташкентского товарищества, для содействия русской шелковой промышленности, я приобрел уверенность в осуществлении этого предприятия, на пользу и во благо вверенного мне края, на пользу России. Из письма Вашего я убедился, каким высоким патриотическим чувством подвигнуто товарищество и мне остается только выразить искреннейшую благодарность, как Вам, так и почтенным товарищам Вашим, за доверие, оказанное моему уполномоченному Анд[рею] Ив[ановичу] Гомзину.

Главнейшая, высказанная Вами цель предприятия — выгода государственная — несомненно достигнется и товариществу будет принадлежать честь первого начинания, первого шага к привлечению русских промышленных деятелей в страну, ожидающую разработки.

В первые годы, не скрываю от себя, дело это вероятно не даст большой выгоды товарищам, но со временем, если будут выбраны знающие и честные деятели, можно не сомневаться, что вложенные в дело капиталы получат и хорошие дивиденды. Во всяком случае, товарищество может рассчитывать на сочувствие и помощь во всем, что от меня зависеть будет.

В заключение спешу сообщить Вам, милостивый государь, что понимая необходимость наблюдательного на месте лица, определенного уставом товарищества, и одобряя выбор Ваш, я просил генерала Гомзина принять на себя эту обязанность и получил его на то согласие, несмотря на многосложные его занятия по службе.

Пожелав Вам искреннего успеха во всех полезных делах Ваших, прошу верить чувствам глубокого к Вам уважения и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашим милостивый государь покорнейшим слугою.

К. фон Кауфман 1.

НИОР РГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Оп. 1. К. 32. Д. 11. Л. 1–2.

№ 19

**К. П. Кауфман — императору Александру II
Ташкент. 31 октября 1871 г.**

Ваше императорское величество!

Простите, государь, что я снова решаюсь беспокоить Вас моим длинным письмом; важность вопроса, мною возбуждаемого, оправдывает мою решимость и я успокаиваю себя мыслью, что Ваше величество оцените причины, побуждающие меня обратиться непосредственно к Вам.

Завоевание обширного края в Средней Азии, совершенное без большого шума, без особенно больших со стороны России жертв, принесло уже свои плоды. Я думаю, что в числе великих событий Вашего славного царствования и этот подвиг займет свое видное место в истории. Я не стану говорить о призвании России цивилизовать Восток, не стану даже говорить о повороте в нашу сторону политики на Востоке, где господство наше естественно и, следов[ательно] законо; эти громкие фразы находят свое подтверждение в фактах, а движение России в Среднюю Азию — свое объяснение и свое оправдание, но говоря о плодах, я разумею лишь плоды положительные, плоды торговли. Они не могли еще быть велики, по краткости времени, но никто уже в них не сомневается. Россия сбывает сюда такие из мануфактурных своих произведений, которые не находят сбыта на Западе; количество этого сбыта превзошло ожидания и конечно значительно еще увеличится; я уверен, что оно превзойдет и те ожидания, которые могли бы быть построены на добытых уже результатах. В свою очередь Россия получает из Азии такие сырые произведения, которые ей необходимы и которые она получала до сих пор почти исключительно с запада Европы и из Америки, привозимые следовательно по чужестранным железным дорогам и даже на чужестранных кораблях. Сырье, привозимое из Азии, не удовлетворяет еще требованиям наших фабрик, тем не менее ежегодное возрастание здешней торговли с внутренними землями Империи объясняется названными двумя потребностями: сбыта своих фабричных производств и приобретения у себя же дома материала для этих производств. Ничтожная, несколько лет тому назад, торговля наша в Средней Азии выражается уже в весьма почтенных цифрах. Я не знаю как велика цифра 1870 и 1871 годов, прямой торговли Оренбурга с Бухарой, потому, что таможенная оренбургская линия, по воле Вашего величества, упразднена в 1867 году, а внутренняя пошлина (зякет) с сырых произведений Бухары, идущих чрез Казалинск в наши пределы, прекращена с 1 января прошлого 1870 года, по соглашению моему с министром финансов, но пошлина эта за 1869 год дала слишком 80 т[ысяч] рублей и следовательно составляя 1/40 часть стоимости товара, определяет за 1869 год — 3.200.000 р. преимущественно за хлопок и шелк сырец, вывезенный из Бухары в Россию. Надо полагать, что прямая торговля Бухары с Россиею с тех пор не уменьшилась. Здесь же в Ташкенте, с устройством ярмарки, обороты торговли определяются довольно точно; они дают теперь уже цифру ввозной и вывозной торговли для одного Ташкента в 24 миллиона, а с внутренней более 30 миллионов в год. Цифры эти менее действительных.

Этот успех наш конечно важнее всяких завоеваний. Пора этих последних прошла, слово Вашего величества сказано, территориальных приобретений быть не должно, если и нельзя ручаться в том, что кровь здесь литься не будет уже, то это только в случаях невозможных к избежанию, подобно прошлогоднему движению в Шаарсябз и нынешнему в Кульджу. Первый я сдал эмиру по принадлежности, вторую прошу Вашего, государь, соизволения сдать маньчжурскому правительству, если оно примет подарок, а если не примет, то нужно образовать независимое владение.

Но как бы ни были велики успехи наши по торговле, они то и заставляют меня задумываться — не порвутся ли эти успехи? Вслушиваясь в купеческий говор и всматриваясь в ход нашей торговли, я опасаясь за будущее. Здешние страны, которые и теперь уже богаты и которые могли бы удесятерить свои произведения и свои потребления, отделены от России огромным степным пространством; единственный способ перевозки товаров на этом пути есть — верблюд. Количество этой перевозочной силы не может быть увеличено по произволу и далеко не увеличивается в той пропорции как расширяется потребность в ней, а случаи подобные несчастной прошлогодней зиме, когда погибли тысячи верблюдов от *джуда* (повальная болезнь) вследствие очень суровой зимы, могут и впредь повториться и подвергнуть наше, пока единственное перевозочное средство чрез обширные степи, большой случайности. Фрахт все увеличивается и может дойти до непомерной цифры. Если в параллель этому фрахту поставить фрахт чрез Суэцкий канал, то можно опасаться, что здешний хлопок должен перестать идти в Россию; торговля тогда падет; уже и теперь трудно торговать, ибо медленность караванного сообщения растягивает обороты на полтора года, а тогда она станет невозможною. Англичане же ничего не жалеют для распространения своей индийской торговли до наших пределов, ни интриги, ни деньги их не останавливают, нам надо постоянно придумывать способы для успеха в этой борьбе, и единственные в наших руках средства — это облегчение путей ведущих из России в Азию, уменьшение фрахта, увеличе-

ние и улучшение производительности сырых продуктов занятой нами страны, к чему она весьма еще способна и в чем собственно и состоит ее назначение для России.

Все это побуждает меня теперь же поднять вопрос о проведении железной дороги из пределов Европейской России в Ташкент. Вот то слово, которое я решаюсь доложить Вашему величеству и на начало дела испросить Ваше благословение.

Железная дорога, сюда направленная, расширит производительность страны до больших размеров, здесь откроются и оживятся обширные места, лежащие ныне бесплодными. Русское население прильет в этот край, нуждающийся в рабочих руках и в развитии промыслового дела, к чему столь способен русский люд. Россия будет обеспечена для своих фабрик хлопком и шелком, а также сбытом своих произведений. Торговля наша получит возможность проникнуть в дальние страны и принять такие размеры, о которых мы не можем еще составить себе ясного понятия. Конкуренция с английскими товарами, не только на нашей территории, но и в соседних и даже дальних от нас странах, облегчится для нас и мы получим возможность тягаться с нашей соперницей, ныне весьма для нас опасной.

Убежден в необходимости железной дороги, можно приискать и средства к ее осуществлению; прежде всего конечно необходимы точные изыскания. Со времени занятия нами Зеравшанской долины, управление ею не вызвало новых расходов со стороны казны, а дало напротив несколько остатков, которые в течение трех лет служили частью на восполнение государственными доходами, частью на такие улучшения по краю, которые по обстоятельствам его жизни, было возможно предпринять и которые с помощью этих остатков, предоставляемых Вашим величеством в мое распоряжение, восприяли уже свое начало и свое развитие, как напр[имер] Ташкентская ярмарка. Обратив особенное внимание на увеличение этих доходов, я полагал бы ныне же возможным определять ежегодно значительную часть этих доходов на начало дела по созданию железного пути в Среднюю Азию. Для этого необходимо было бы предоставить доходы Зеравшанского округа еще года на три в распоряжение туркестанского генерал-губернатора, с тем, чтобы остатки от содержания администрации того округа расходовались по преимуществу на выяснение дела сего и движения его во всех отношениях, а именно: на изыскания для железного пути, на расширение производительности страны, на увеличение мест населения — проведением новых водопроводов и пр. Я не позволяю себе думать о немедленном осуществлении дела, я пока испрашиваю повеление Вашего величества на начало его, на всестороннее его изучение и на подготовку всего что нужно для его успеха. Результаты изыскания железного пути и развитие страны в том смысле, как сказано выше, укажут, что следует делать далее.

Вопрос этот, если последует на то высочайшее Вашего величества благоизволение, выяснится и послужит основанием к полезному и выгодному для России делу во всех отношениях, но средства к его развитию столь неопределенны, и требуют постепенного ведения его, так сказать ощупью, что я лишен возможности сделать формальное о том в законодательном порядке представление и в этом последнем случае успеха ему едва ли бы ожидать можно.

Вот причины побудившие меня обратиться к Вашему величеству с всеподданейшим моим представлением и ожидать слово Вашего царского одобрения и решения.

Имею счастье быть Вашего императорского величества верноподданным слугою

К. фон Кауфман 1.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2918. Л. 3–8 об.

№ 20

**К. П. Кауфман — Д. А. Милютину
Ташкент. 7 марта 1872 г.**

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

С настоящим курьером, я представляю Вашему высокопревосходительству, ходатайство мое о награждении чинов Военно-народного управления и в том числе есть представление к ордену св. Станислава 1ой ст[епени] генерал-майора Гомзина. Последнюю награду — Владимира 3^{ей} ст[епени] он получил вне правил 30 августа 1870 года. Несмотря на то, что до 30 августа останется от 17 апреля около 4^х м[еся]ц[е]в и несмотря на то, что общее представление по Военно-народному управлению выйдет по обыкновению, вероятно не ранее конца июня или начала июля, я решаюсь просить Вас, нельзя ли исходатайствовать ему награду к 17 апреля. Просьбою моею я побуждаю тем, что генерал Гомзин недостаточно по моему мнению награжден за трудную службу в крае. В течение почти пяти лет он получил лишь две награды. А между тем я желал бы отличить его перед другими за то, что он службою своею приносит бóльшую пользу, чем другие. Это желание мое до сих пор мне не особенно удавалось.

Весенние слухи по обыкновению начинают тревожить и в особенности со стороны Бухары, откуда опять начинаются толки о каком-то соглашении между Бухарою, Хивою и Кашгаром, для одновременного нападения на нас; и будто кабульский эмир обещал свое содействие войсками и пр. и пр. Веры этому давать нельзя, я не теряю уверенности, что это есть нелепость и разъяснится дело, как и в прошлом году, тем не менее лазутчики разосланы. Впрочем мы готовы на всякий случай. Толкуют даже об английских эмиссарах в Бухаре. С другой стороны получены известия будто хивинский хан посылает в Ташкент посольство чрез Казалу; во главе посольства стоит весьма почтенное лицо. От Якуб-бека я только что получил письмо, в котором он, хотя и отрицает все свои вины и следов[ательно] говорит неправду, но в то же время, просит прислать к нему кого-либо для переговоров «хотя бы последнего скотопаса» лишь бы человек был от моего имени. Жду еще некоторых известий от кокан[д]ского хана, чтобы решиться на эту меру, которую я готов испытать, лишь бы избежать войны. Как ни хороша война, а лучше, если можно обойтись без нее. Я бы считал великою победою, если бы мне удалось уладить с Хивою и Кашгаром без драки. Это была бы настоящая победа над Среднею Азиею. До сих пор нам ничего не удавалось без боя; каждый шаг в сношениях наших, каждый успех дипломатии, торговли, приобретался не иначе как кровью. Торжество наше в Азии, только тогда будет полное, когда мы не будем вынуждены прибегать к оружию для того, чтобы понудить соседа исполнять самые законные и поистине скромные требования наши. Вот почему я так ревностно удерживаю и себя, и других от воинских порывов и почему я так упрашиваю Вас, хотя и безуспешно, усилить меня, а не ослаблять войсками. Избранный мною путь гораздо труднее, но он плодотворнее. Поверьте, что если бы я не проникся этой мыслью насквозь, то не переставал бы драться круглый год. Жду с нетерпением просимого мною обратно проекта положения; хотя работа у меня идет, но желательно иметь скорее замечания, вызванные этим проектом.

Прошу Вас верить чувствам искреннего уважения и преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. фон Кауфман 1.

НИОР РГБ. Ф. 169. К. 65. Д. 25. Л. 13–14 об.

№ 21

Ташкент. 10 марта 1873 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Завтра наконец я выезжаю отсюда к отряду, который к 12^{му} числу весь соберется на р. Клы близь Джизака, а 13го выступает оттуда первый эшелон. Я оч[ень] рад выезду отсюда, потому что в это короткое время моего здесь пребывания чувствую себя замученным, как усиленную работою, так в особенности приемами, просьбами о пособиях, о ссудах, об определении на службу и наконец о назначении в отряд для наказания Хивы.

Войска туркестанские снаряжены, как кажется, довольно удовлетворительно и Бог даст, мы одолеем те препятствия, с которыми нам придется бороться: холод, дождь, потом жар, песок, безводье, огромное расстояние, какое пройти нужно, вне всякого жилья. Все это вероятно делает поход этот действительно весьма трудным и по мнению многих, неодолимым. Повторяю, что мы кажется снарядились хорошо, обдуманно и кажется все предвидено и про всякий случай есть у нас и меры.

Сотни предметов необходимости явились, когда пришлось снаряжаться в поход. Верблюдов видимо-невидимо и все нагружается, и все нужно. Я решился лучше взять более чем нужно, чем терпеть недостаток и быть поставленным в затруднение, а может быть и в безвыходное положение. Войска с отличным духом, которого только желать можно. Скучают те, которые остаются, все рвутся в поход, не только офицеры, но и нижние чины, хотя я предупреждал всех, что поход будет трудный.

Из соседних ханств ничего особенного заслуживающего внимания не имею. По-видимому они спокойны. Бухарский эмир выслал посольство свое; оно вчера должно было прибыть в Самарканд, но так как сюда ему ехать уже поздно, то я приказал направить его в Джизак, где на позиции на речке Клы приму его. Там же я приму и депутатов из Зеравш[анского] округа, коим объявлю милость государя императора об уменьшении податей хараджа* и танапа** с $\frac{1}{5}$ на $\frac{1}{10}$ ^{уо}. Из Коканда посольства еще нет, потому, как кажется, что хан зная об ожидающей его милости государя императора, я говорю о высочайшем рескрипте, собирается отправить ко мне

* Поземельный налог с завоеванных владений.

** Танап — земельная мера, различная в разных районах: от 0,25 до 0, 5 гектара.

большое посольство. Он очень ошибется в расчете, потому что уже не застанет меня здесь. Во всяком случае, я получу на р. Клы подробные и точные известия о том, в каком положении там дела.

Г[енерал]-л[ейтенант] Колпаковский, которого я не дождусь уже для передачи ему должности командующего войсками округа, ожидается сюда 23 или 24 марта. На это время, т. е. несколько дней, будет управлять делами округа генерал Карташёв, который остается здесь на время похода, команд[ующим] войсками С[ыр]-Д[арьинской] области. Он оч[ень] усерден, хлопотун и дело свое делает хорошо.

По маршруту я могу быть, как первоначально рассчитывал, 15 апреля или 16го на Аму-Дарье, если не встретится каких-нибудь капитальных остановок, чего я не ожидаю впрочем.

Прошу благословения на это серьезное дело. Пожелав Вам всякого благополучия и здоровья Вам и доброй семье Вашей, прошу Вас верить чувствам искреннего уважения и преданности с которыми имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. фон Кауфман 1.

Полковник Чемерзин, губернский воинский начальник, который доставит письма мои, может доложить Вам обо всем, что здесь делается; я его просил быть готовым [ответить] на все вопросы.

Там же. Л. 16–17 об.

№ 22

Бивуак на правом берегу Аму-Дарьи близ Уч-Учага. 13 мая 1873 г.*

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

В дополнение к рапорту моему от сего числа мало что могу прибавить. Там обстоятельно изложен предшествовавший ход дела до занятия нами берега столь желанного и столь недоступного доселе. Поход совершенный нами, есть конечно один из труднейших, который когда-либо выпадал на долю военных людей. Совершить такой поход, какой мы сделали, могут только люди действительно мужественные и крепкие и с таким духом, каким преисполнены войска наши. Никакое перо не опишет всех препятствий, всей борьбы нашей с природою, которая, как назло, в нынешнем году была особенно неблагоприятна. Я совершенно счастлив, что войска одолели всё, что условия особенные нашего похода им противопоставили. Теперь вся забота моя сосредоточена на проводе остальных рот и орудий, которые расположены на Халата, на колодцах Адам-Крылган и на Алты-Кудуке. А между тем стоять здесь не приходится, надо идти вперед, чтобы стать скорее в населенной стране. К сожалению хивинцы успели напугать население правого берега распространив слух, что мы пришли наказывать их, т. е. перерезать по азиатскому обычаю все, что попадется под руку. Удастся ли мне внушить доверие к нам жителей, не знаю. С Бухарой пока в отличных отношениях и если эмир выдержит характер до конца, то я буду просить особенной к нему милости государя. Посланник его, делающий с нами поход, чрезвычайно нам предан и оказал мне большие услуги, дав своих проводников, убедив эмира воспользоваться этим случаем, чтобы доказать свою дружбу. Кокан[д]ский друг тоже с нами.

Не могу довольно нахвалиться войсками Туркестанского округа. Люди и офицеры так хороши, что составляют предмет общего восторга. Вот оригинальный пример духа, коим войска преисполнены. Когда на рассвете 11го апреля** мы выступили с последней нашей позиции, в лазарете было 11 человек. Когда же началась перестрелка, то все больные за исключением одного, страдавшего нарывом, бежали из лазарета и явились в свои части. Бегство это — почетное бегство и я не мог удовлетворить жалобе мне врача на самовольство больных.

Кроме упомянутого нарыва и одного раненого в ручной схватке с туркменом казака в палец, который является лишь на перевязку, продолжая служить, больных в лазарете передового отряда нет.

Надо было видеть, с каким терпением переносили люди недостаток воды, во время стоянки нашей на колодцах Алты-Кудук, где людям, кроме порции чаю утром и вечером, выдавали в день по чарке воды. Водки я не даю и у маркитантов опечатана, так что Джизакский отряд от Клы, а Казалинский от Аристан-бель-Кудука водки не пьют вовсе. Люди здоровы след[ательно] результат замены водки чаем оказался блестящим.

* Содержание этого письма было доложено императору Александру II 25 июня (7 июля) 1873 г. в Эмсе (Германия).

** Так в тексте, в действительности 11 мая.

Спешу отправить свои донесения, чтобы не задержать отряда, коему пробили уже подъем; я намерен подвинуться сегодня на 8 верст вперед, чтобы облегчить завтрашний переход и чтобы совершить акт движения

вперед. Наше затруднение все в верблюдах, которые плохи. Все остальное так хорошо, как только желать можно.

Пожелав Вам здоровья и сил, прошу верить чувствам уважения и преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. фон Кауфман 1.

Там же. Л. 18–19 об.

№ 23

Хива. 15 июня 1873 г.

Милостивый государь
Дмитрий Алексеевич!

Из донесений моих Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть настоящее наше блестящее положение в Хивинском ханстве. Теперь все дело, как развязаться с Хивою, притом так, чтобы не приходилось делать другого подобного похода. Он слишком труден, в особенности для начальника. Он слишком рискован и при небольшой ошибке можно погубить отряд. Он, наконец, слишком дорого стоит краю. Удастся ли нам вознаградить издержки казны — еще не совсем с уверенностью могу отвечать на этот вопрос. Край богат, но денег в нем мало. А нам именно деньги нужны, чтобы покрыть расходы, которые тяжело ложаться на казначейство и нужны гарантии в будущем. Я только что продиктовал записку по сему предмету, которую решаю представить его величеству и при сем в копии Вашему высокопревосходительству.

По содержанию записки этой Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что я будуждать ответа с большим нетерпением. Время оч[ень] дорого; 15 августа, ни раньше, ни позже, надо вывести отсюда войска. Чтобы ускорить ответом, соизволением его величества или от-казом, я бы просил дать мне знать по телеграфу на Орск, оттуда с эстафетой на Казалинск, и дубликатом на Ташкент, для отсылки с нарочным, чрез Самарканд и Бухару в Хиву.

Поход все три отряда совершили поистине молодецкий; позвольте мне откровенно высказать мои желания о некоторых исключительных наградах главным действующим лицам, не ожидая моего официального представления, если его величество изволит быть доволен нами; простите наперед за мою откровенность.

Генерал Верёвкин³⁹ и генерал Головачёв вполне заслуживают орден св. Георгия 3ей степени. Для моего нач[альника] штаба генер[ал]-майора Троцкого я мечтаю о назначении в Свиту его императорского величества. Если бы государь император изволил осчастливить капитана Фан-дер Флита⁴⁰ назначением флигель-адъютантом своим, то это также было бы лестно не только ему и мне, но и всему Туркестанскому военному округу. Полков[ник] Ломакин⁴¹ по заслугам своим в эту войну и по своим достоинствам вполне заслуживает производства в генералы. Начальнику артиллерии войск, действующих против Хивы генер[ал]-майору Жаринову⁴², я бы просил аренду*. Он человек старый, но молодец, себя не жалеет и у него восемь человек детей, без всякого состояния. Я прошу, как изволите видеть, не о многих, но прошу разрешить мне войти с представлением о наградах всем храбрым участникам этого молодецкого похода. Поход стоит того, чтобы его увековечить общею медалью⁴³. Если бы милость государя императора была наградить всех офицеров годовым окладом, а всех нижних чинов по шести рублей из контрибуционной суммы, если таковая будет собрана или из Государственного казначейства, если ее не будет теперь же собрано, то это было бы также справедливо. Все генералы, штаб, обер-офицеры и нижние чины одинаково оборвались, имущество и запасы свои побросали и пожгли в степях, иначе не дошли бы. Великому князю Николаю Константиновичу⁴⁴ я бы признал справедливым испросить следующий чин, а князю Евгению Максимилиановичу⁴⁵ назначение флигель-адъютантом к его величеству. Последний держит себя с таким тактом и так сдержанно, что я не могу умолчать об этом. Я думаю, что никакая награда его не удовлетворила бы так, как эта милость к нему его величества. Их высочества оба одинаково хорошо служили, но Евгений Максимилианович, сверх того, приобрел общую любовь и уважение.

* Видимо, речь идет о пожаловании земли.

Прошу Вас верить чувствам моей искренней преданности и неограниченного уважения. Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

К. фон Кауфман 1.

Там же. Л. 20–21 об.

№ 24

Бивак у г. Маргелана. 12 сентября 1875 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Махрамский погром действительно решил участь Кокандского ханства. Прибыв в г. Маргелан, со всеми свободными силами, я принял депутацию от города, наложил на все Маргеланское бекство пеню в 125 т[ысяч] тиллей, что составляет, считая по наименьшему курсу по 4 р — 500 т[ысяч] р[ублей]. Пеня эта наложена за то, что несмотря на мои объявления, главный предводитель и двигатель газа[ва]та*, Абдуррахман Автобачи, стоял 10 дней у Маргелана и не был схвачен и приведен ко мне.

В то же время я выслал вслед за отступившим Автобачи, всю наличную кавалерию (6¹² сотен), ракетную батарею, две роты пехоты на 62 арбах и дивизион конной артиллерии. Отряд этот без обоза, под начальством флигель-адъютанта полковника Скобелева, выступил по устройстве бивака нашего у г. Маргелана, когда люди пообедали и лошади выкормились в ночь с 8¹⁰ на 9^е сент[ября] в 10 ч[асов] Автобачи под Маргеланом имел еще 10 т[ысяч] чел[овек] при 4^х орудиях, но он не решился принять бой. Скобелев шел ускоренным шагом всю ночь, а в 5 ч[асов] утра, отдохнув 10 минут, пошел рысью и в 7³⁰ часов утра нагнал неприятеля в кишлаке Минг-Тепе. Здесь у Автобачи было уже не более 5 т[ысяч] человек. Очевидно, что приверженцы его поуменились. Шайка эта разбита, много порублено, бо́льшая часть разбежалась и пр. Впереди рубились сибирские две сотни под начальством моего адъютанта подпол[ковника] Адеркаса⁴⁶. Отдохнув и собрав сведения о том куда бежал Автобачи, кавалерия наша опять на ночь двинулась за ним. Пехоту свою и артиллерию, которые конечно далеко отстали, передвинул Скобелев к оставленному им пункту. Таким же молодецким переходом кавалерия нагнала остатки неприятеля в Оше. Автобачи с 25 джигитами бежал, как говорят, в Узген. Скобелев подобрал брошенных 3 орудия на дорогах; 4^е исчезло где-то. Автобачи обратился в беглеца, войск у него нет, а потому и гоняться за ним войскам не приходится. Все его близкие и сколько-нибудь влиятельные люди явились с повинною.

Таким образом теперь все ханство, кроме правого берега р. Сыра, пройдено нами вдоль по наибольшему его измерению. Главные силы в самом центре у г. Маргелана в 250 саженьях от городской стены. Голова колонны кавалерии в Оше, а опорный пункт в Махраме с обозом под прикрытием двух рот пехоты; сообщение с этим пунктом обеспечено отрядом из одной роты стрелков, двух сотен кавалерии и двух, вновь сформированных на время войны, орудий (4^х дюймовые с дула). Отряд этот расположен в кишлаке Исфара, у входа в горы, дабы держать в страхе киргиз, больших охотников собираться в шайки для нападения на дороги. Ежедневно прибывают депутации от разных городов, родов кочевников; теперь уже все ханство покорилось, не было еще кипчаков**, но и те явятся. Из трех главных вожаков не достает еще одного, правда самого главного, но он совсем упал в глазах народа и если только мы будем стоять хорошо на правом берегу, то он будет бессилен. Впрочем, я принял все меры, какие только возможны, к поимке его.

Интересен говор в народе, что будто Якуб-бек отвечал на просьбу о помощи Автобачи посланным от него: «Каждый, мол, занимается своими делами, в чужие не должен вмешиваться; у меня, де, есть свои дела на другой границе (вероятно китайской) недели через две русские вас разобьют, вы станете бегать ко мне, но я вас не приму, а кто проберется, того повешу, ибо я в дружбе с генерал-губернатором». О дружба! Кто тебя не знает...

Дело как изволите Ваше высокопревосходительство видеть сделано в м[есяц] 12 августа я выступил из Ташкента, а 11го сентября передовой отряд наш стоял на дневке в г. Оше. Ханство на левом берегу занято и исполняет беспрекословно мои требования; главный вожак лишился всего своего войска и пал в глазах народа. Говоря с народом, я называю его «дивана», т. е. юродивый и народ как бы с убеждением повторяет «дивана́, дивана́». Тем не менее я не могу не признать за ним большой энергии, воли и убеждения.

Правый берег р. Сыр-Дарьи и далее вверх по правому же берегу р. Нарына мы должны занять и нашими войсками и нашим управлением; одно без другого не может быть; без нашего управления народом, нельзя войскам зимовать, учиться, словом жить тою нормальною жизнью, которая делает их людьми и хорошими слугами государя. Кстати сказать, войска наши такая прелесть, что нельзя себе представить ничего лучшего. Ведут они себя совершенно так, как государь император изволил выразиться: «Верно, храбро и честно».

В особом письме я подробно развил мысль мою о необходимости занять нам правый берег

* Газават, иначе джихад — «священная война» мусульман против «неверных», не мусульман.

** Народность тюркского происхождения.

Сыра; оно переписывается и будет отправлено вместе с рапортами о событиях настоящей войны — с курьером. Войск для занятия правого берега крайне необходимо то именно

число, какое мною определено, иначе мы будем слабы и право можем при случае не устоять; а подумайте, что из этого выйти может. Азия не умеет драться, это правда, но поверьте, что сила есть и когда-нибудь она разыграется; нам надо подготовить наши границы; главные пункты и сообщения с Империею, обеспечить отдалением границ от них и конечно зорко следить за тем, что делается за ними. Мы здесь в таком положении, что в каждом бою подобном Махрамскому, Самаркандскому, Зерабулакскому и Ирджарскому решается вопрос наш — быть или не быть; мы каждый раз ставим все на карту. Я не говорю поражение, но даже полупобеда с нашей стороны и тогда мы узнаем, что такое Азия. Не желал бы я дожить до того, чтобы факты доказали справедливость моих слов. Тогда будет поздно помогать. Всего этого я не говорил бы, если бы строилась железная дорога; — даже изыскания откладывают, говорят, есть другие дороги нужнее, а я думаю, что у нас теперь нет дороги нужнее Ташкентской. Англичане в Ост-Индии не делают ни одного шагу вперед, не проложив к этому самому малому шагу железной дороги, а мы медлим одним соединительным путем Империи, с главным центром наших среднеазиатских владений, путем, без которого мы всегда здесь будем слабы. При случае мы жестоко за это приплотимся; ведь без резервов нельзя быть, а у нас их нет, коль скоро их надо ждать несколько м[еся]ц[e]в. Я не особенно хлопочу, я не могу здесь долго служить; здоровье мое стало плохо, нервы мучат меня донельзя. Я делаюсь ни на что не похожим. Чувствую, что скоро я сделаюсь ни к чему более не годным, если не буду иметь теперь же продолжительного отдыха, чтобы на время совсем отрешиться от Азии; когда я бываю в Петербурге, оставаясь генерал-губернатором, я не только не отдыхаю, но еще более раздражаюсь: то ябедный Контроль, то упрямый Рейтерн, то диван Черняев⁴⁷, даже дрянные шавки, как Петровский⁴⁸, Гойер и пр. и пр. хватают за икры; выше они укусить не могут. Я знаю, что это продукт зависти, бессильной злобы, но за что эта злоба? Чему завидовать? Зла я им не сделал, завидовать тому, что у меня дело идет хорошо на пользу службы, могут только мелкие души; завидовать честному моему имени — напрасно, стоит самому сделаться честным, тогда и завидовать не придется. Все это я знаю, а все же волнуюсь — это нервы. Только тогда я отдохну, когда государь император милостиво снизойдет к моей просьбе и уволит меня от должности генерал-губернатора и командующего войсками, которая мне уже не по силам. Право я могу еще пригодиться государю, если отдохну. Уповаю на его бесконечную милость; ведь уже более 8 лет я тружусь здесь, иногда, право, сверх человеческих сил. Единственный отдых мой — поездки в тряском экипаже по выбитым дорогам; летом — жар едва выносимый и пыль, какая бывает только в Средней Азии, зимою — едва ли не хуже еще. Но и это я называю отдыхом. Такую жизнь долго нельзя вести. Если я мог выдерживать и так долго, то уверяю Вас, что я поддерживался сильною волею и любовью и преданностью моею к государю; другого побуждения у меня нет и не было. Всего этого я еще никогда не говорил Вам, но теперь настало время сказать, ибо лучше решиться на подобное признание, пока еще есть время.

Позвольте перейти к представлению о наградах моих подчиненных. Все они сделаны по правилам и могут быть поднесены на Высочайшее благоволение. Я составил только передовое представление и позволю себе сказать о некоторых лицах особо:

1. Начальник окружного штаба, Свиты е[го] и [мператорского] в[еличества] Троицкий. Очередная ему награда орден св. Анны I ст[епени], но зная его семейные дела, я решился просить для него аренду. Знаю, что это трудно, но и заслуги его велики. У меня нет другого человека, с кем душу отвести, с кем посоветоваться; он делит со мною все тревожения, все труды и заботы, он входит во всё и действительно помогает мне. Прочие лица суть слепые исполнители.

2. Полковника Скобелева я представил к чину. Заслуги его как начальника кавалерии огромны, он храбр, предприимчив, решителен, когда нужно, умеет взять дело в свои руки и знает, что такое ответственность; всего себя кладет на дело. Военная подготовка у него большая; он отлично исполняет две обязанности: офицера Генерального штаба и нач[альника] кавалерии. Я не имел еще такого дельного нач[альника] кавалерии. Последнее его движение к г. Ошу, которым он добил Автобачи, превосходно во всех отношениях. Я просил бы одного еще при этом, это произвести в генерал-майоры и полковника Иванова⁴⁹, что начальником на Аму-Дарье. Государю известна его служба.

3. Ген[ерал]-лейт[енант] Головачёв представлен к очередному ордену, но если бы была милость его величества назначить его своим генерал-адъютантом, я бы принял это за великую для себя награду. Головачёв служит честно, я за него не покраснею.

4. Представлен также граф Борх⁵⁰ в генералы. Он держит себя отлично, служит с большою пользою и если бы он был удостоен при производстве назначением в Свиту е[го] и [мператорского] в[еличества], то это было бы ему наградою за отличное поведение. Если же производство его уже состоялось 30 августа, как многие думали, то я бы просил испросить ему орден св. Владимира 3 ст[епени] с мечами.

5. При мне состоит неизменный мой друг Мирза-Хаким. Он имеет чин парванчи, высший

в кокандской военной иерархии. Он делает уже 3^{ью} компанию со мною: Бухарскую 1868 г., Хивинскую 1873 [г.] и настоящую. Он всегда был оч[ень] нам полезен и своим знанием Азии и своим необыкновенным спокойствием духа, своею верою в нашу силу, которая от него передавалась своими путями всем азиатцам, имеющим с нами дело. Конечно никогда я не мог извлечь из него столько пользы как теперь. Он кокан[д]ец родом, его имя здесь весьма известно и весьма уважаемо. Во время движения нашего вперед, он занят сбором податей в пройденных нами землях, я дал ему в помощь двух чиновников, из коих один занимается собиранием статистических сведений, а другой поверкою денежной отчетности частных сборщиков по кишлакам, оба под руководством Мирзы-Хакима. Он пожалован уже орденом св. Станислава 2ой ст[епени] со звездой и с мечами. Единственная милость, о которой он давно мечтает — это чин русского генерал-майора. Он ведет себя во всех отношениях отлично и у него нет других интересов кроме русских. Мирза-Хахим есть выродок из Азии. Он был бы оч[ень] нам полезен в качестве ближайшего советника кокандского хана. В чине генерал-майора он будет иметь еще больше значения и веса.

Вот мои задушевные просьбы, которые я прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, повергнуть к стопам обожаемого государя.

Я выписал сюда хана, здесь заключу условия мира и представлю их на высочайшее утверждение.

Прошу Вас верить чувствам искреннейшего уважения и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

К. фон Кауфман 1.

Там же. Д. 26. Л. 1–4 об.

№ 25 **20 января 1876 г.**

Получена телеграмма от генерала Колпаковского следующего содержания: «19го прибыло в Ходжент посольство от Пулат-бека, имеющее во главе главного кокандского ахуна, с просьбою о мире. Разрешил пропустить в Ташкент, где, согласно письма из Чимкента, задержу до получения Вашего приказания».

Появление посольства из Коканда было предвидено мною, в особенности после Андижанского дела, оно было неизбежно. Я просил генерала Колпаковского, еще из Чимкента 7го декабря в случае прибытия от Пулат-бека послов, не вступать в переговоры, а передать ему, что с отъездом моим из края надо ожидать ему для получения ответа — или письменного разрешения, или моего возвращения; — а между тем прибытие посольства с просьбою о пощаде сделать из под руки известным в крае. В подтверждение данных мною инструкций посылаю генералу Колпаковскому телеграмму следующего содержания: «Посольство задержите Ташкенте, не давайте аудиенции, пошлите сказать ахуну, чтобы письмо Пулат-бека передал Вам для посылки мне. Назначьте кого, чтобы следить и разговаривать ахуну. Содержать скромно».

После милостивого приема, сделанного мне государем императором, и соизволения его величества на посылку войск для занятия Коканда, я не считаю себя вправе отказаться от поездки в Ташкент, каково бы ни было мое здоровье. Всякий новый человек, на моем месте, употребит много времени для ознакомления со всеми обстоятельствами. Мне, как солдату, нельзя уходить с поля сражения. Таков мой взгляд на дело и потому, если его величеству благоугодно, я готов буду ехать и быть в Ташкенте к тому времени, когда мое присутствие будет там необходимо. Прошу лишь милости, назначить мне преемника с таким расчетом во времени, чтобы к концу августа он мог бы быть в Ташкенте. Я бы желал сам ввести его в азиатское дело.

Обо всем этом имею честь донести Вашему высокопревосходительству.

Генерал-лейтенант фон Кауфман 1.

Там же. Л. 5–6 об.

№ 26 **Ташкент. 2 ноября 1876 г.**

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Только что я вернулся из Ферганской области, которую объехал всю, за исключением Алая, но был и в горах, чтобы составить себе понятие о главном нашем пути в эту горную страну че-

рез Ош и Гульчу. Могу следовательно изложить Вашему высокопревосходительству мои впечатления.

Как Вы изволите знать, область эта состоит из долины рр. Сыр-Дарьи, Кара-Дарьи и Нарына и из гор, окружающих долину. Последняя большей частью орошена и следовательно населена довольно густо; тут большие города и множество крупных и мелких кишлаков. Население это, казалось бы, должно искать лишь спокойствия и порядка, но оно веками портилось ханским производом, подчас безобразием и привыкло ворочать своим правительством. Ханы то и дело успокаивали его уступками, а потом вымещали эти уступки на отдельных личностях, которых резали, и затем, под разными предложениями обирали своих подданных; народ, выводимый из терпения, опять собирался, производил беспорядки и выжимал новые уступки. В таких взаимных одолжениях между властью и народом состоит история ханских правительств в Коканде. Ханы изгонялись, резались беспрестанно. В последние 80 лет насчитывают несколько десятков ханов погибших или бежавших. Но, чтобы составить себе более верное понятие о положении дел в бывшем ханстве, надо обратиться к другой части населения, обитающего горы или занимающего их своими кочевьями. Это население, по натуре более подвижное, более воинственное, пользуясь слабостью своих ханов и рассчитывая на неприступность для ханских войск горных трющоб, то предлагает свои услуги ханам для наказания оседлых жителей, причем, конечно, грабит наказуемых сколько может, то спускается в долину и решает переворот в правительстве, будучи приглашаемо какою-либо политической партией в столицу ханства, либо в другом городе, при этом конечно опять грабит и покровительствуемых и преследуемых. Можно себе представить как воспитан кокандский народ, коего целые поколения выросли при таких ужасных порядках.

Когда государю императору благоугодно было решить вопрос о присоединении бывшего Кокандского ханства, то конечно иначе этого вопроса решить было нельзя. Если бы его величеству благоугодно было дать другое решение этому вопросу, то, конечно, наше положение здесь было бы невыносимо, а между тем такой народ, такое государство, окруженное нашими землями, рано или поздно, должно было пасть и единственный для него исход — это наше управление, которое, я уверен, в скором времени приведет народ к порядку. Тем не менее, в настоящее время там надо быть на страже. Вот случаи, которые кстати здесь привести:

Перед самым приездом моим в г. Коканд явился какой-то негодяй, провозгласивший себя ханом в одном из кишлаков недалеко от гор[ода] Коканда, собрал там партию и вошел в город. Между тем другая шайка до 300 чел[овек] собралась между городом и рекою Сыр-Дарьей; если бы хану удалось поднять город, то она должна была грабить кишлаки и провозглашать «заман» новому хану и «газ[ав]ат» против русских. Городская полиция узнала об этом и успела захватить хана. Все разрешилось и успокоилось. Другой случай. Когда я был в Гульче, то явился в Узгенте некто Джетым-хан (хан-сирота). Ему тоже в некоторых местах провозгласили «заман» т. е. «на царство». Хан собрал шайку и пошел по кишлакам; в одних ограбил аксакала, в другом взял несколько людей, лошадей и оружия; к месту действия направлены были три сотни и конно-стрелковый дивизион. Я из Оша отправил генерала Скобелева распорядиться этим делом, он нагнал шайку, которую преследовал 40 верст горами. Потеряла эта шайка 15 чел[овек] убитыми и тяжело ранеными и 16 чел[овек] захваченными с оружием в руках; остальные разбежались, пойманы не были, в том числе и хан. Между пойманными оказался какой-то ишан, руководитель Сироты-хана. Всех 16 чел[овек] я приказал расстрелять на площадях Узгента, Ханабада и Джелалабада т. е. в кишлаках, где был объявлен «заман» самозванцу. Теперь опять все спокойно.

Генерал Скобелев ведет дело оч[ень] хорошо. Он серьезно занялся управлением страны. Летом нынешнего года он оказал великую услугу умиротворением кочевников на Алае и совершил это можно сказать без выстрела. Всякий другой мог бы и не понять моих требований — избегать военных действий. Как только Скобелев ушел и оставил на время с небольшим отрядом полковника князя Витгенштейна, тотчас явилось дело, немного дурное правда. Хотя делу этому я и не даю военного значения, но его не было бы, если бы генерал Скобелев мог еще оставаться в горах. Генерал Скобелев доказал кара-киргизам, что они не могут с нами драться, не найдут нигде себе убежища от нас. Войска наши перенесли трудности в этом горном походе невероятные; никогда на Кавказе не приходилось переваливать войскам через такие высокие перевалы, как напр[имер] 14 400'. Они еще раз доказали, что в руках хорошего начальника они способны делать чудеса. Военная прогулка на Алае была подвигом, заслуживающим великой похвалы. Кара-киргизы смирились, но для того, чтобы иметь возможность ходить в горы с значительными отрядами, без затруднений и в кратчайшее время, разрабатывается дорога из Гульчи в долину Кизил-Су. Часть этой дороги я проехал ныне; она ведется, по моему указанию, провинившимися родами кара-киргиз в виде наказания. От гор[ода] Оша, до Гульчи, дорога в 70 верст через довольно высокий перевал, сделана уже; я проехал по ней в коляске; таким образом мы приобретаем дорогу в самый центр кочевого населения, а если бы явилась непредвиденная ныне надобность, мы можем пройти

беспрепятственно и в Кашгар. Этот путь от Оша до Кизил-Су я назвал «Скобелевский путь» и имею честь просить Ваше высокопревосходительство испросить Высочайшее соизволение, дозволить мне название это употреблять в официальных бумагах. Генерал Скобелев вполне заслуживает такой к нему милости его величества.

В Ферганской области расположено теперь 6^{1^б} батальонов пехоты, 12^{1^б} сотен казаков, две батареи (конная и пешая) и два подвижных взвода. Число этих войск, по моему убеждению, не только нельзя уменьшить, но к весне, я полагаю необходимым, усилить еще хотя бы несколькими сотнями кавалерии. А между тем Ваше высокопревосходительство, полагаете ослабить меня двумя бат[альона]ми пехоты. Я полагаю, что теперь этого сделать нельзя, без большого риска. Время настает быть может оч[ень] трудное. Я только что получил известие, что в Бухару прибыли какие-то люди из Константинополя, навезли много газет и распустили их в народ, который наслаждается, читая все о победах мусульман над кафирами. Подготовка эта может нехорошо отозваться. Народ здесь оч[ень] восприимчив и события совершаются чрезвычайно быстро. Если теперь выслать два бат[альона] пехоты, то в Ташкенте останется одна стрелковая бригада. Случись в это время тревога с двух сторон, мне нечем усилить войска для действия на двух границах; ибо в случае мусульманского движения, нельзя оставить всей Сыр-Дарьинской области без полевых войск.

Мне неизвестно теперь как складываются дела в Европе, но по всему надо полагать, что будет война. Если действительно это так, то здешние войска надо усилить. Мы бы могли совершить отсюда такую демонстрацию со стороны Алая, которая могла бы дать выгодный оборот для нас английской политике. Само собою, что надо выслать сюда раннюю весною, по крайней мере одну дивизию пехоты с бригадою артиллерии и бригадою казаков. Если, одновременно с нами, Кавказская армия могла бы двинуть часть войск в Мерв, тогда, может случиться, что англичане двинутся к Герату, а это, по мнению моему, даст индийскому населению мысль о восстании. Для англичан это могло бы быть гибелью; едва ли они решатся рисковать Индию. Вопрос для них слишком серьезный. Наша демонстрация — это такая сила, о которую разобьется вся нынешняя политика Англии. Впрочем, я не знаю, как она стоит в эту минуту. Газеты все врут, да и читаем мы их месяцем позже, а меня ни о чем не извещают. Между тем, казалось бы забывать нас не следует.

При настоящих обстоятельствах в Европе, я конечно молчу о своей личности, не время беспокоить собою государя императора, я как солдат, должен быть готов в такое время несмотря ни на что, идти куда царь укажет, сидеть где царь повелит и потому всякий вопрос о личности моей — устраняю. Но Вы поймете, Дмитрий Алексеевич, каково мне будет сидеть здесь без другого дела, кроме наблюдения за эмирами, когда другие будут драться на турецких или на других европейских полях.

Вместе с сим, я пишу к государю императору и прошу его милости к войскам, действовавшим в Коканде, я прошу удостоить войска медалью за этот поистине славный поход. Борьба с воинственным народом, довольно вооруженным, была бы не под силу нашим немногочисленным войскам, если бы они не были так хороши. Неприятель противопоставлял нам: 70 т[ысяч] воинов (Махрам), 40 т[ысяч], 50 т[ысяч] (Наманган, Андижан 1го окт[ября], Андижан 8 января). 20 т[ысяч] (Ассак), а мы атаковали его отрядами в 4 т[ысячи], 3 т[ысячи] и 2 т[ысячи] штыков и шашек. Более 120 орудий взяты, часть с боя, частью захвачено, подобрано. Нигде ни малейшей неудачи. Малье отряды дрались также успешно, как и более крупные или так называемые главные: Ашаба, Обурдон, Канибадам, Уч-Курган и пр. Это все славные дела. Главные руководители движения против нас кокандского народа сдались (мулла Исса-Аулиэ, Абдуррахман Автобачи, Хаалик-Назар, Батыр-Тюря), иные захвачены после поражения, как Пулат-бек. Если взять в соображение, что неприятель начал войну вторжением в наши пределы — в Кураминский и Ходжентский уезды, что некоторые части войск взяты из лагеря по тревоге, как напр[имер] 1ой и 2ой стрелков[ые] бат[альоны], 2ой линейный б[атальон], № I конная батарея, несколько казачьих частей, и прибыли в походе почти год времени; 3ий стрелков[ый] бат[альон], прийдя из Аму-Дарьинского отдела, сделав до Ходжента 1 т[ысячу] верст, пошел в дело с неприятелем после дневки; ни жар, ни мороз 15°–20° по Реомюру не останавливали войска, они не давали отдыха неприятелю, то нельзя не согласиться, что войска действительно славные и достойны милости государя императора августейшего ценителя наших заслуг. Далее Алайский поход, столь хорошо завершивший компанию и приведший все бывшее ханство, без исключения, к подножию великого Белого Царя. После этого Вам будут понятны те чувства, которыми преисполнено сердце мое, когда объезжая ныне Ферганскую область, я на местах побед наших проверял славные подвиги туркестанских войск, какое чувство гордости и восторга наполняло мою душу при виде этих лихих войск. Я дал себе слово просить, умолять государя почтить войска тою наградою, которая каждого участника ставит милостью и оценкою государя императора высоко в собственных глазах. Сознание исполненного долга видно во всех частях делавших поход. Это такие войска, с которыми, как говорить, жить и умереть.

Я убежден, что они вполне заслужили просимую мною царскую милость. Подумаешь, что с небольшим год тому назад тут было ханство, со всеми его тщеславными, гордыми замашками, теперь область, уезды, там формальное следствие, там мировой суд, волость; почетные лица встречают кулдуками (поклоны), с доверием подаются арсы (арс — просьба) народом, который получает уверенность, что арс будет выслушан, разобран, проситель удовлетворен решением или направлен куда следует. Все это сделали войска; лучшие из уездных начальников выбраны из тех же войск, где офицеры подготавливаются исподволь к этим обязанностям. Словом, войска такие молодцы, что прелесть. Будьте так добры, Дмитрий Алексеевич, доложите это государю императору; мне не приходится много писать его величеству, не смею обременять его длинными письмами, а между тем было бы желательно, чтобы он знал те мотивы, которые побуждают меня просить о награждении войск медалью — за Кокандский поход⁵¹.

Еще одна просьба к Вам: перебирая всех лиц, которые содействовали своим трудом и самоотвержением успеху этого большого дела, я обратил внимание на стат[ского] совет[ника] Вейнберга⁵², моего дипломатического чиновника; его поведение в Коканде, во время взбунтовавшегося населения, причем в массах уже разыгрывался фанатизм, было примерное; он не отступил от програмы, ему данной; он остался при изгнанном, но законном хане, отступая с ним вместе и прикрывая его 22^{мг} казаками, которых вел Скобелев. Вейнберг держал себя вполне достойным образом также и во все время похода; мне случилось дать ему опасное дипломатическое поручение, которое также хорошо исполнено. Производство его в действительные статские советники было бы милостью, которая поощрила бы полезного и честного служивого.

Письмо это, равно как и письмо к его величеству, представит Вам молодой офицер 1го стрелкового батальона шт[абс]-кап[итан] Федоров, который чуть ли не родился здесь в Туркестане; если Вам угодно его распросить о чем, он в состоянии дать Вам требуемые объяснения. Он георгиевский кавалер и на счету хороших офицеров.

Сейчас я получил известие от генерала Абрамова из Самарканда о том, что в Катта-Кургане пойман оч[ень] подозрительный человек. Он уверяет, что едва-едва говорит по-английски, сказал, что женат на мусульманке, сам тоже будто мусульманин, родом из Багдада, а между тем на нем нашли письма к нему жены его на английском языке, нашли воззвание к народу о том, что приходит конец свету, ибо мусульмане забывают Коран, муллы ничего не делают для Бога, приглашаются они жертвовать деньги для постройки мечети в Багдаде и пр. и пр. Он показал, что отправился будто бы в Мекку, направившись через Бухару и Ташкент к этой цели своего путешествия. О нем сведения собираются, он арестован и до сих пор сдается, что это английский жид, странствующий с политической целью, а впрочем, может быть, и спекулятивною, рассчитывая эксплуатировать народ в свою пользу.

Можно ли ожидать войны в Европе? Задаю себе этот вопрос, но разрешить его не умею. Какое хорошее впечатление производят слова государя, сказанные представителям сословий в Москве! Дай ему Бог здоровья! Воображаю сколько у Вас теперь работы.

Прошу Вас принять уверения мои в искреннем уважении и преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. фон Кауфман 1.

Там же. Л. 7-12 об.

№ 27

Ташкент. 2 декабря 1876 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Отправляю сегодня курьером в С.-Петербург Семиреченского войска есаула барона Штакельберга⁵³. Офицер этот перед Хивинским походом перешел в войско из Конной гвардии. Служит он здесь отлично; прошлую Кокандскую компанию он делал сначала как командир сотни, которую привел из Семиречья в Наманган чрез неприятельскую землю, окруженный толпами кипчаков, от которых отбил, идя всегда в порядке. Когда сформирован был из стрелков наших конно-стрелковый дивизион, он принял командование им и на штурме своих стрелков янгиарьской укрепленной, горной позиции, ранен был в правую руку; он довел это дело до конца. Как только рана начала подживать, он отправился в Алайский поход. Правой рукой он почти не владеет; у него рана открытая и ему надо серьезно лечиться, чтобы не лишиться руки. За дело под Янгиарьком он представлен был к Георгиевскому кресту, но местная дума — отказала. Я его представил к нескольким наградам за дела, в которых он отличался, но он пока не получил ни одной награды. Рекомендую его как прекрасного во всех отношениях офицера.

В бытность мою в Ферганской области, я организовал там комиссию, на которую возложил устройство поземельного и податного дела на основаниях, выработанных проектом положения, ожидающим тщетно утверждения законодательным порядком, несмотря на то, что представлен мною 4 года тому назад. Председательство возложено на полковника Носовича, который уже организовал это дело на тех же основаниях в Аму-Дарьинском отделе. Комиссия работает в усиленном составе в одном Кокандском уезде; когда члены комиссии, числом 8 человек, окончат это дело в одном уезде, выяснят все местные обстоятельства, особенности народного быта и все виды землевладения, выработают приемы в этом деле, тогда, т. е. в начале лета, приступят к организации прочих уездов области, как кадры организационных комиссий, к формированию коих уже приступлено. Я надеюсь, что если, непредвиденное еще теперь, усложнение дел извне не помешает, то можно окончить организацию всей Ферганской области в течение будущего 1877 года. Вот что мне пишет полковник Носович от 18 ноября: «Опыт организационных работ, продолжающихся около м[еся]ца, окончательно убеждает всех нас, в полной и всесторонней применимости в здешней области, всех правил и указаний нового проекта положения; до сих пор все встречающиеся здесь вопросы, в поземельном и бытовом отношениях, находят себе полное разрешение в проекте положения». Когда окончится организация Ферганской области, тогда можно быть спокойным за нее, тогда народ увидит, какое благо дано ему, да и сам будет в наших руках. Смею думать, что избранный мною путь для проведения залежавшегося проекта положения, столь желанного мною для всего края, есть путь теперь единственный. Когда будет организована Ферганская область, да опыт такой же организации Аму-Дарьинского [отдела], где функционирует управление на тех же основаниях нового проекта, тогда едва ли можно будет опасаться каких-либо серьезных возражений со стороны противников его. Вы изволите помнить какая составила партия в Министерстве финансов, к ней пристал кружок из личных моих «доброжелателей» от разных министерств и как разносила эта партия и администрацию края, и проект положения, и даже войска. Отвечать на эти нечестные нападки можно было делом. У меня опускались руки, ибо я не чувствовал себя здоровым, но Господь помог, здоровье поправилось, а доверие государя императора довершило дело. Нападки на администрацию и на войска блистательно опровергнуты спокойствием края во время кокандских беспорядков. Ни одного бесчинства, ни одного грабежа внутри края несмотря на то, что неприятельские шайки, в огромном числе, вторглись в Ходжентский и Курраминский⁵⁴ уезды и частью в Аулиеатинский, рассчитывая на сочувствие народа при объявлении газа[ва]та. Войска имели еще раз случай доказать, что они стоят. Проект положения подтвердит практичность свою, когда дело устроится в 9^м или 10^м уездах, если считать г. Коканд и его окрестности за особый уезд⁵⁵. Если взять в соображение, что ни Аму-Дарьинский отдел, ни Ферганская область не принимались в соображение при составлении проекта положения в 1871 и 1872 годах, тогда станет очевидным, что составители проекта поняли народный дух, быт и условия края, и что проект есть плод всестороннего и обстоятельного изучения края в течение нескольких лет его управления.

Здесь пока все спокойно, хотя и поймано в Зеравшанском округе уже три эмиссара, собирающих деньги в пользу постройки мечетей в разных местах Малой Азии, для поддержания падающего мусульманства; воззвания для приношений наполнены фанатическими возгласами.

Как милостив ко мне государь император, милость эта выразилась и установлением медали в память Кокандского похода, и доброй, царской телеграммой, в ответ на поздравление мое с кавалерским праздником. И то, и другое было с восторгом принято здесь всеми. Всякий видит в этом частицу милости, упавшей на него от государя за службу ему, за честную службу.

Пожелав Вам здоровья и сил, которые в особенности нужны теперь, при трудных обстоятельствах, прошу Вас верить чувствам искреннейшего уважения и преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

К. фон Кауфман 1.

Там же. Л. 13–15 об.

№ 28

К. П. Кауфман — А. В. Богданович⁵⁶
Самарканд. 3 июля 1878 г.

Письмо Ваше, многопочитаемая Александра Викторовна, давно, давно уже лежит у меня в портфеле укором в моей как будто неисправности, как будто неблагодарности и в положительной невежливости перед Вами. Но подумай[те] Александра Викторовна: письмом этим от 6го сент[яб-ря] 1877 года Вы, под влиянием Плевненской тяжелой болезни, ударили меня прямо в сердце. Я без-

действую, я ничем не могу утешить бедной России, когда она, разочарованная в своих героях, в своей силе, бесплодно борется с какою-то ничтожною турецкою армиею, о которую разбиваются все ее жертвы, все надежды на быстрый, законный успех над дрянною Турциею. Да, было тогда над чем призадуматься; а я бездействую, грызу свои пальцы с понятною злобою на все и вся и не должен, не смею ничего предпринимать, таково мое задание, а тут Ваше письмо, полное укора за это бездействие. Я имел в это время только одно утешение — чистая совесть да то обстоятельство, что во вверенном мне обширном мусульманском крае ни один человек не поднялся против нас; напротив, я со всех сторон имел заявления от разных сословий, обществ о преданности правительству, о готовности жертвовать для пользы России, на службу государю. Это спокойствие и края нашего и наших соседей, находившихся в зависимости от нас, может служить ответом тем негодьям, которые нападали и продолжают нападать на меня *tout prix**, лишь бы нападать. Оч[ень] справедливо: я жертвую собою для пользы порученного мне дела, действительно служу моему государю, не щадя живота моего, не говоря о том, что я в глуши, в захолустьи, что никто, как будто никто не оценивает моих трудов, моего, скажу, полного торжества, никто и не вспомнит обо мне, кроме какого-нибудь Петровского, который поднимает голос свой хриплый для того только, чтобы бросить грязью в людей добросовестно трудящихся. Повторяю, мне одна пощада — это собственное убеждение, что при тех обстоятельствах, при каких я находился и нахожусь, спокойствие края и окрестностей мусульманской страны, доказывает и верность и безошибочность моего направления в управлении этим краем и в установлении отношений к соседям нашим. Кто боится, а кто любит и уважает меня, но как бы ни было, никто против нас. А там пусть себе говорят и думают наверху, что хотят или ничего не думают, что кажется вернее. Но что я свое дело сделал, это я знаю и мне ничего более не надо. Так-то милая и многоуважаемая Александра Викторовна! Я бы ни слова не сказал, если бы не вычитал в письме Вашем как бы укор в моем бездействии.

Теперь, по воле государя, я собираю отряд таких размеров, каких еще не видела Средняя Азия, а по качеству, с которым готов состязаться с какими угодно войсками в мире. Конечно в Индию этими средствами идти нельзя, но если с другой стороны помочь, то можно многое сделать, а главное заварить такую кашу, которую бульдог не расхлебает. А там как знать.

Простите за мое писанье — это я так отблагодарил Вас за Ваше доброе обращение ко мне в такую минуту, когда Вы хотели душу отвести во время трудное, от боли, которую причинила нам Плевна. Меня взяла досада за то, что вовремя не сделано было здесь того, что следовало сделать. Ну, да Бог с ним, время это прошло, теперь настало другое, что-то наша дипломатия делает, даст ли нам войну или мир, а с Вами надеюсь останемся по Вашему великодушью в мире. Алекс[андра] Вас[ильевича] я же поздравляю с производством. У него это место тоже наболело. Будьте здоровы и верьте в искреннюю к Вам любовь и уважение Вашего покорнейшего слуги.

К. фон Кауфман 1.

Там же. Ф. 664 (Е. В. Богданович). К. 1. Д. 20. Л. 1–2 об.

№ 29

**К. П. Кауфман — Д. А. Милютину.
С.-Петербург. 12 октября 1879 г.**

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

Завтра я уезжаю в Ташкент, уезжаю неделю позже, чем рассчитывал. Я был задержан здесь разными важными и неважными делами. К числу важных я отношу проект постройки железной дороги от Оренбурга до Ташкента. Только железный путь этот и в состоянии поставить нас в Средней Азии опять в то положение, какое занимали мы и которое потеряли вследствие крайней нецелесообразности, с какой относится к нам Англия. Англичане не лучше наших бывших среднеазиатских ханов, не признававших никаких трактатов. Когда же хан какой побит, то всякий трактат получает силу и строго исполняется.

Я думаю, что может настать время, даже в скором будущем, что англичане будут в состоянии изгнать нас из Средней Азии, когда пожелают. Нам нужно принять меры вовремя. По моему мнению ничего не может поддержать нас так, как железная дорога к центру наших среднеазиатских владений; тогда и мысль о борьбе с нами кого бы то ни было — невозможна.

Предположение о проведении легкой и следов[ательно] дешевой железной дороги (40 мил. р.) я препроводил генерал-адъютанту Посьету⁵⁷, который обещал мне приказать скорее составить заключение министерства. Дорога эта без увеличения стоимости может быть уширена до 1го метра, т. е. 3 фута 3½ дюйма, а таких дорог в Индии до 3600 верст. Англичане народ практич-

* Любой ценой (*франц.*).

ный и если они довольствуются такими дорогами в густонаселенной стране, то мы и подавно обойдемся этой шириной, на долгое время.

Если Министерство путей сообщения выскажет свое мнение в пользу нашей дороги, то оно сообщит свой взгляд на дело Вашему сиятельству. Надеюсь, что Вы изволите разделять мое мнение о необходимости скорейшего проведения парового пути к Ташкенту, и в таком случае, Ваше сиятельство, не оставите препроводить это предположение к министру финансов.

При этом позволю себе также препроводить копию с записки профессора Минаева⁵⁸, который был бы очень полезен для секретной поездки в Индию. Он просит только, чтобы ему разрешена была эта поездка заранее, дабы не позже как в первых числах января он мог отправиться. Еще бы лучше было поехать ему в ноябре или в декабре сего года. Он считает необходимым проездить 6^м м[еся]ц[е]в, что будет стоить 5^т тысяч рублей. Я убежден, что подобные поездки таких людей, как проф[ессор] Минаев, нам совершенно необходимы. Минаев знает язык и с образованными индийцами может разговаривать без переводчика и след[овательно] без свидетелей.

Не могу не вспомнить еще, что отказ Якуб-хана⁵⁹ от престола развязывает мне руки. Перед личностью малолетнего хана с английским регентом у нас нет никаких обязательств.

Пожелав Вам всего лучшего, прошу Вас верить чувствам искреннего уважения и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

К. фон Кауфман 1.

Там же. Ф. 169. К. 65. Д. 26. Л. 17–18 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 37 Идаров Сергей Александрович — управляющий Туркестанской казенной палатой в 1867–1889 гг.
- 38 Чижов Федор Васильевич (1811–1877) — математик, предприниматель, финансист и писатель, адъюнкт Петербургского университета в 1832–1845 гг., издатель журнала «Вестник промышленности» в 1858–1861 гг.
- 38 Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) (1820–1877) — правитель государства Йэтишар (Восточный Туркестан).
- 39 Веревкин Николай Александрович (1820–1878) — генерал-лейтенант, наказной атаман Уральского казачьего войска (с 1865 г.).
- 40 Фан-дер Флит Константин Петрович (род. в 1844 г.) — генерал от артиллерии. генерал-адъютант, адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа в 1869–1873 гг., командующий 6-й армией в 1914–1915 гг.
- 41 Ломакин Николай Павлович (1830–1902) — генерал от инфантерии, начальник Красноводского отряда в 1873–1874 гг., Закаспийского отдела в 1874–1879 гг., командир 19-й пехотной дивизии в 1887–1897 гг.
- 42 Жаринов Алексей Емельянович (ум. в 1882 г.) — генерал-майор, начальник артиллерии Туркестанского военного округа (с 1867 г.).
- 43 Медаль «За Хивинский поход» была учреждена 22 июля 1873 г.
- 44 Николай Константинович (1850–1918) — великий князь, полковник Генерального штаба.
- 45 Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847–1901) — принц.
- 46 Адеркас Владимир Викторович — подполковник, адъютант туркестанского генерал-губернатора в 1871–1877 гг.
- 47 Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области в 1865–1866 гг., туркестанский генерал-губернатор в 1882–1884 гг.
- 48 Петровский Николай Федорович (1837–1908) — агент Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве в 1870–1882 гг., консул (с 1895 г. генеральный консул) в Кашгаре (Западный Китай) в 1882–1903 гг.
- 49 Иванов Николай Александрович (1842–1904) — генерал-лейтенант, начальник Амударьинского отдела в 1873–1877 гг., Зеравшанского округа в 1877–1883 г., военный губернатор Ферганской области в 1883–1887 гг., туркестанский генерал-губернатор (с 1901 г.).
- 50 Борх Георгий Александрович (1836–1908) — граф, генерал-лейтенант, командир 21-й пехотной дивизии, автор воспоминаний о М. Д. Скобелеве. (См.: Борх Г. А. Воспоминания о М. Д. Скобелеве//Исторический вестник. 1908. Т. 113. С. 946–950.)
- 51 26 ноября 1876 г. была учреждена медаль «За покорение ханства Кокандского».
- 52 Вейнберг Аркадий Августович (ум. в 1878 г.) — дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (с 1873 г.).
- 53 Штакельберг Георгий Карлович (1851–1913) — барон, генерал от кавалерии, командир 1-й Семиреченской сотни в 1874–1876 гг., 1-го Сибирского армейского корпуса в 1904 г.
- 54 В 1868–1886 гг. Кураминским уездом назывался Ташкентский уезд.
- 55 Ферганская область состояла из уездов: Андижанского, Кокандского, Маргеланского, Наманганского, Ошского, Чимионского (в 1879–1881 гг. Исфаринского) и Чустского.
- 56 Богданович (урожд. Бутовская) Александра Викторовна — автор опубликованного дневника (См.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М. 1990).
- 57 Посыет Константин Николаевич (1819–1899) — генерал-адъютант, адмирал, министр путей сообщения в 1874–1888 гг.
- 58 Минаев Иван Павлович (1840–1890) — востоковед-индолог, доцент (с 1873 г. профессор) Петербургского университета в 1869–1890 гг.
- 59 Якуб-хан (род. в 1849 г.) — эмир Афганистана в 1879 г.